

На правах рукописи

Моисеева Софья Александровна

**АРАБСКАЯ МЕЛЬКИТСКАЯ АГИОГРАФИЯ IX–XI ВЕКОВ:
ЖАНРОВАЯ И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья
(литературы азиатского региона)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена на кафедре арабской филологии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: член-корреспондент РАН, доктор
филологических наук, профессор Фролов Д.В.

Официальные оппоненты: Долинина А.А., доктор филологических наук,
профессор, пенсионер
Кириллина С.А., доктор исторических наук,
профессор кафедры истории стран Ближнего и
Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В.
Ломоносова

Ведущая организация: Институт восточных культур и античности
Российского государственного гуманитарного
университета

Защита состоится « 22 » ноября 2012 г. в 16 00 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.33 по филологическим наукам
(литературоведение) ИСАА МГУ по адресу: 125009, г. Москва, ул. Моховая,
д. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИСАА МГУ.

Автореферат разослан « » сентября 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

М. М. Репенкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено рассмотрению мелькитской арабоязычной агиографии IX–XI веков. Термин «мелькитская» означает, что в данной работе речь идет о литературном творчестве одной из конфессиональных групп христианского Востока — мелькитов, то есть христиан Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского Патриархатов, единоверных с Византийской (Константинопольской) Церковью, но с VII века оказавшихся отторгнутыми от Византии в ходе арабских завоеваний и воспринявшими арабский язык в качестве разговорного и литературного¹. Мелькитская традиция выбрана нами по той причине, что именно в этой среде зародилась арабо-христианская литература в целом и житийная в частности и к ней относятся все известные нам ранние агиографические памятники на арабском языке.

В рамках арабской мелькитской литературы нами выбрано такое направление религиозной письменности как агиография, или житийная литература. Термин «агиография» в современном словоупотреблении имеет два значения: совокупности текстов, посвященных святым или святыням, и научной дисциплины, изучающей эти тексты. Употребляя этот термин в первом значении, мы понимаем под ним особое направление церковной письменности, которое включает в себя тексты различных жанров, составленные в рамках той или иной религиозной традиции (в данном случае — христианской) и направленные на утверждение или поддержание культа человека, почитаемого в данной религии «СВЯТЫМ».

¹ С 1724 года термин «мелькитская» официально используется также как самоназвание части Антиохийской Церкви, принявшей унию с Римом (Мелькитская католическая Церковь). В нашей работе в таком значении этот термин не употребляется.

Предмет и объект исследования. Корпус арабо-мелькитской (как и вообще арабо-христианской) агиографии очевидно распадается на две группы — переводные и оригинальные сочинения, — которые требуют различного подхода к их рассмотрению. Применительно к переводным житиям на первый план выходят вопросы соотношения с оригиналом и другими версиями, принципов перевода, степени его свободы и т. п., в то время как для исследования композиции и стиля наиболее продуктивным является обращение к оригинальным произведениям. Поэтому основным объектом нашего исследования является *оригинальная* арабо-мелькитская житийная литература, представленная шестью произведениями:

- Мученичество ‘Абд ал-Масиха
- Мученичество Антония (Равха)
- Житие Иоанна Эдесского
- Житие Антиохийского патриарха Христофора
- Житие и чудеса Тимофея из Кахушты
- Житие Иоанна Дамаскина

Предметом исследования является жанровая и стилистическая специфика этих произведений, а также динамика развития агиографического творчества в среде арабоязычных мелькитов в рассматриваемый период.

Хронологические рамки исследования. Иногда зарождение оригинальной арабо-мелькитской агиографии относят ко второй половине VIII века, но такая датировка гипотетична: от этого времени мы имеем лишь точно датированный перевод агиографического текста с греческого на арабский язык. Поэтому за нижнюю хронологическую границу исследования мы принимаем IX век (о более ранних переводах мы, безусловно, упоминаем, но только в общем обзоре). В качестве верхней границы нами выбран конец XI века, когда на Ближнем Востоке появляются крестоносцы: их почти двухвековое господство, сопровождавшееся ущемлением прав местных христианских общин, регулярные военные столкновения с мусульманами, когда основные жертвы приходились на долю

местного христианского населения, а также подъем религиозной нетерпимости в мусульманском мире, порожденный обстановкой непрерывного джихада против «неверных», — все это пагубно сказалось на культуре и, в частности, на литературном творчестве мелькитов. Период, заключенный внутри выбранных хронологических рамок, насколько мы можем судить по сохранившимся памятникам, является наиболее плодотворным в истории арабо-мелькитской агиографии. Вместе с тем, для проведения сопоставительного анализа мы активно обращаемся к агиографическим и неагиографическим произведениям других традиций, главным образом византийской, в том числе более раннего и более позднего времени. Но и при выборе этого вспомогательного материала мы остаемся в рамках средневековой литературы, поскольку произведения нового и новейшего времени, посвященные святым, как правило, создаются уже по другим принципам и мало отличаются от светских биографий.

Степень изученности темы. По сравнению с византийской и другими восточными агиографическими традициями арабо-мелькитская и, шире, арабо-христианская агиография менее всего служила объектом целостного изучения. По всей видимости, первой научной публикацией арабской агиографии в Европе можно считать издание житий апостолов-евангелистов П. Кирштайном (1608 г.)². В последующие века, особенно активно в течение XX столетия, шло постепенное накопление материала, включающее в себя введение в научный оборот рукописей, публикацию и перевод источников, — процесс, который продолжается и в настоящее время. Что касается исследований этих текстов, то, насколько нам известно, все ученые, которые обращались к арабо-мелькитской агиографии, делали это потому, что она так или иначе соприкасалась с основной областью их научных интересов, — в связи с изучением либо рукописных фондов (А. Бингели), либо становления арабо-христианской литературы и мусульмано-христианских

² *Kirstenius P. Vitae Evangelistarum quatuor. Breslae, 1608.*

отношений (С. Гриффит, М. Свансон, Дж. Ламоро), либо агиографических «досье»³ отдельных святых (П. Петерс, М. ван Эсбрук и др.) и т. д.

Агиографии, как части арабо-христианской и мелькитской литератур, посвящены разделы соответствующих обзорных монографий Г. Графа⁴ и Ж. Насралла⁵. Впрочем, ввиду справочного характера этих работ авторы дают лишь фактические сведения о рукописях и изданиях и в самом общем виде указывают место агиографических памятников в истории рассматриваемой литературы (Граф — в минимальной, Насралла — в большей степени). Далеко не полным, а на сегодняшний день и сильно устаревшим является справочник по восточно-христианской, в том числе арабоязычной, агиографии, подготовленный в начале XX века П. Петерсом⁶. Единственным специальным обзорным исследованием, близким к нашей теме, долгое время оставалась работа Ж.-М. Соже, посвященная мелькитской синаксарной литературе⁷, однако она, во-первых, носит сугубо источниковедческий характер, а во-вторых, соприкасается с рассматриваемым нами корпусом лишь своей нижней хронологической границей, так как наиболее ранний арабо-мелькитский синаксарь датируется 1095 годом. Из современной арабоязычной литературы следует упомянуть труд архимандрита

³ Благодаря интенсивному литературному обмену между Византией и народами христианского Востока многие жития, особенно древних святых, дошли в нескольких редакциях на разных языках. Постепенно вокруг многих святых сложились комплексы разновременных и нередко разножанровых текстов, получившие в современной науке название агиографических «досье».

⁴ *Graf G. Geschichte der christlicher arabischen Literatur. Città del Vaticano, 1944–1953. 5 Bde. (Studi e testi; 118, 133, 146, 147, 172).*

⁵ *Nasrallah J. Histoire du mouvement littéraire dans l'Eglise melchite du Ve ah XXe siècle. Louvain; Paris, 1979–1988. 4 vol.*

⁶ *Bibliotheca hagiographica orientalis / Ed. P. Peeters. Bruxelles, 1910, 1954^f.*

⁷ *Sauget J.-M. Premières recherches sur l'origine et les caractéristiques des Synaxaires melkites (XIe–XVIIe siècles). Bruxelles, 1969. (Subsidia hagiographica; 45).*

Тумы (Битара) «Забытые святые в антиохийском наследии»⁸, но опять же с оговоркой: он содержит лишь пересказ житий, поэтому реальную ценность представляют только исторические комментарии автора. Наконец, в самое последнее время появился сравнительно небольшой, но обстоятельный обзор арабоязычной христианской (преимущественно мелькитской и коптской) агиографии М. Свансона⁹. Естественно, эта публикация, как и предполагает ее формат, не претендует на анализ конкретных произведений, а лишь обозначает основные линии развития арабо-христианской житийной литературы. Примечательно, что статья готовилась и вышла в свет как часть коллективной монографии, посвященной византийской агиографии. Это наглядно свидетельствует о справедливом признании издателями глубинных генетических связей между арабо-христианской и византийской традициями, а также единого восточно-христианского «поля» агиографической литературы.

Научная новизна и актуальность исследования. Как видно из историографического обзора, до настоящего времени и в отечественной, и в мировой науке отсутствовали как детальный обзор мелькитской арабоязычной агиографии периода ее зарождения и расцвета до XI века включительно, так и комплексный анализ оригинальных произведений этой литературной традиции в жанровом и стилистическом аспектах. Решение этих задач может не только создать прочный фундамент для дальнейшего, более углубленного, изучения предмета данного исследования, но и предоставить полезный материал для научной разработки более широких тем: арабоязычной агиографии других эпох и конфессий, христианской агиографии в целом, арабской средневековой литературы и, наконец, средневековья как одной из основных эпох, характеризующихся традиционалистским типом художественного сознания. В

⁸ *Tūmā (Bīṭār)*, *archim.* Al-Qiddisūn al-mansiyyūn fī-l-turāth al-anṭaki. [Bayrūt, 1995].

⁹ *Swanson M. N.* Arabic Hagiography // *Ashgate Research Companion to Byzantine Hagiography* / Ed. S. Euthymiadis. Aldershot; Burlington (VT), 2011. Vol. 1: Periods and Places. P. 345–368.

этой связи следует отметить, что литературоведческая направленность нашего исследования созвучна современным тенденциям в изучении агиографии вообще (по преимуществу византийской), где после длительного периода доминирования критико-исторического подхода в последние два десятилетия все больше осознается необходимость литературного анализа памятников и делаются важные шаги в этом направлении.

Кроме того, данное исследование представляется по преимуществу важным для возрождающегося после длительного перерыва изучения арабо-христианской литературы в России. Одним из направлений этого изучения, сложившимся еще в дореволюционной российской науке, наряду с историческим и лингвистическим было сравнительно-литературоведческое и фольклористическое: его объектом были главным образом «жития святых..., представляющие любопытные параллели к их западноевропейским и славянским вариантам», однако, «если труды в первых двух направлениях... время от времени просачивались в советское востоковедение, то третье... скоро стало совсем под запретом»¹⁰. Поэтому возобновление подобного рода исследований, несомненно, необходимо для дальнейшего полноценного развития отечественной науки.

Цель и основные задачи исследования. Основная цель настоящего исследования состоит в том, чтобы дать жанровую и стилистическую характеристику оригинальной арабо-мелькитской агиографии IX–XI веков.

Для реализации данной цели в работе поставлен ряд основных задач:

- 1) источниковедческий обзор мелькитской арабоязычной агиографии со времени ее зарождения до XI века включительно в трех аспектах:
а) рукописная традиция; б) переводы; в) оригинальное творчество;
- 2) определение динамики развития агиографического творчества в

¹⁰ Долинина А. А. Отражение традиций классической арабской поэзии в диване Джирмануса Фархата, архиепископа Хalebского // *Она же. Арабески: Избранные научные статьи*. СПб., 2010. С. 100–112, здесь: с. 100–101.

- рассматриваемый период;
- 3) определение жанровой специфики оригинальных произведений рассматриваемого корпуса с точки зрения как агиографических, так и неагиографических жанров;
 - 4) стилистический анализ оригинальных произведений арабомелькитской агиографии IX–XI веков.

Теоретический и методологический фундамент исследования. При очевидном отсутствии специальных исследований литературной стороны арабомелькитских житийных памятников, важным и даже необходимым подспорьем для ее исследователя должны стать работы по изучению других агиографических традиций, в первую очередь византийской. Хотя долгое время здесь преобладали историко-критический и культурологический подходы к анализу источников, с 80-х годов XX века серьезное внимание стало уделяться и их литературной стороне¹¹. Значительный вклад в развитие этого направления исследований внесли такие крупные византинисты, как А. П. Каждан¹² и Л. Риден¹³. Однако для нас наиболее

¹¹ Несколько раньше вышли в свет фундаментальные труды Д. С. Лихачева (*Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. Л., 1967) и С. С. Аверинцева (*Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы*. М., 1977), в которых определенное место (в первой — больше, во второй — меньше) отведено и агиографической литературе.

¹² *Каждан А. П. История византийской литературы (650–850 гг.)* / В сотрудничестве с Ли Ф. Шерри и Х. Ангелиди. Пер. с англ.: А. А. Белозерова и др. СПб., 2002; *он же. История византийской литературы (850–1000 гг.): Эпоха византийского энциклопедизма* / Пер. с англ.: Д. Р. Абдрахманова и др. СПб., 2012. (Византийская библиотека. Исследования).

¹³ *Rydén L. Byzantine Hagiography in the Ninth and Tenth Centuries: Literary Aspects* // Kungl. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet: Uppsala. Årsbok, 1986. P. 69–79; *idem. Überlegungen zum literarischen Wert oder Unwert hagiographischer Texte* // *Eranos*. Uppsala, 1993. Vol. 91. P. 47–60; *idem. Literariness in Byzantine Saints' Lives* // *Les vies des saints à Byzance: Genre littéraire ou biographie historique?* Actes du IIe colloque international philologique, Paris, 6–7–8 juin 2002 / Ed. P. Odorico, P. A. Agapitos. Paris, 2004. P. 49–58.

ценными представляются попытки обобщения материала, в частности, выделенная Х. М. Лопаревым на основании анализа памятников VII–IX веков схема «классического» похвального жития¹⁴ и своего рода «инвентарь» агиографических топосов, составленный по материалам житий VII–XI веков Т. Прачем¹⁵.

С другой стороны, необходимой базой для полноценного изучения арабомелькитской агиографии является знакомство с арабской средневековой литературой в целом и ее традиционной поэтикой. Эта область исследований столь обширна, что мы вынуждены ограничиться перечислением лишь наиболее крупных ее представителей в отечественной арабистике, таких как В. Р. Розен, А. Е. Крымский, И. Ю. Крачковский, И. М. Фильштинский, Б. Я. Шидфар, А. А. Долинина, А. Б. Куделин, Д. В. Фролов. Особенно ценными для нашего исследования являются выполненные И. Ю. Крачковским перевод и комментарий одного из основополагающих сочинений средневековой арабской теории литературы — «Китаб ал-бади‘» Ибн ал-Му‘тазза¹⁶ — и его исследования, касающиеся арабо-христианской агиографии¹⁷, а также наблюдения А. Б.

¹⁴ Лопарев Х. М. Греческие жития святых VIII и IX вв.: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной. Пг., 1914. С. 16–36.

¹⁵ Pratsch T. Der hagiographische Topos: Griechische Heiligenviten in mittelbyzantinischer Zeit. Berlin; New York, 2005. (Millennium-Studien; 6).

¹⁶ Ибн ал-Му‘тазз. Китаб ал-бади‘ / Пер., коммент.: И. Ю. Крачковский // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 97–332.

¹⁷ Крачковский И. Ю. Арабская версия легенды о Талассионе // Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии: Сб. в честь 70-летия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. Т. 34. С. 1–12; он же. Легенда о святом Георгии Победоносце в арабской редакции // Живая старина. СПб., 1910. Т. 19. Вып. 3. С. 215–232; он же. Одна из мелькитских версий арабского синаксаря // Христианский Восток. СПб., 1913. Т. 2. С. 389–398; он же. Абӯ-Хузейфа бухарец и легенда о св. Георгии Победоносце // Там же. 1916 (1915). Т. 4. Вып. 2. С.

Куделина, касающиеся жанровой природы самого раннего агиографического произведения в мусульманской традиции — «Жизнеописание Пророка» (*ас-Сира ан-набавиййа*) Ибн Исхака (ум. в 767 г.) и Ибн Хишама (ум. в 828 или 833 г.)¹⁸.

Поскольку арабо-мелькитскую агиографию можно считать частью таких обширных традиций, как восточно-христианская агиография и средневековая арабская литература, то для выявления ее специфики нами используется, главным образом, **сравнительный метод**. При этом в качестве объектов сравнения выступают разноуровневые элементы поэтики: жанровые формы, каноническая композиция, повторяющиеся сюжеты, агиографические топосы, реализуемые и на уровне отдельных выражений и тропов, и на уровне мотивов и композиционных единиц, наконец, риторические фигуры и тропы. Данный сравнительно-литературный метод мы сочетаем с **историческим**, всегда рассматривая анализируемое произведение в историко-литературной перспективе.

Теоретическая значимость работы определяется тем, что в ней на новом материале рассматриваются основополагающие категории средневековой литературы — жанр и стиль. Проведенное исследование способствует более глубокому пониманию функционирования этих категорий в произведениях канонического типа, а также выявлению динамики развития рассматриваемой литературной традиции.

171–179; *он же*. Введение // Повесть о Варлааме пустыннике и Иосафе царевиче Индийском / АНССР. Пер.: акад. В. Р. Розен. М.; Л., 1947. С 5–20.

¹⁸ Куделин А. Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы // Письменные памятники Востока. СПб., 2005. № 2(3). С. 223–234; *он же*. Предисловие // Ибн Исхак — Ибн Хишам. Жизнь еописание Пророка: Великая битва при Бадре / Предисл.: А. Б. Куделин; пер. и коммент.: А. Б. Куделин, Д. В. Фролов; подготовка араб. текста и коммент.: М. С. Налич. М., 2009. С. 5–53.

Положения, выносимые на защиту:

1. На основе анализа рукописной традиции мы можем охарактеризовать арабскую мелькитскую агиографию времени ее зарождения и расцвета (до XI века включительно) как непрерывно развивавшийся литературный процесс, включавший в себя переводческую деятельность и оригинальное творчество в монастырях Сина и Палестины, а в X–XI веках также в антиохийском регионе.
2. Развитие арабо-мелькитской агиографии проходило в тесном контакте с другими восточно-христианскими традициями, прежде всего, византийской, и благодаря наличию устоявшихся переводческих стратегий оказало значительное влияние на более древнюю по происхождению грузинскую агиографию.
3. Несмотря на небольшое количество сохранившихся оригинальных памятников, можно констатировать значительное жанровое разнообразие ранней арабо-мелькитской агиографии, включающее следование одному из основных агиографических жанров (мученичество, житие), их комбинирование (житие и мученичество, житие и чудеса), соединение агиографического жанра с неагиографическим (городская хроника) и его «подмену» неагиографическим жанром (диспут).
4. Стилистика арабо-мелькитской агиографии формировалась, питаясь одновременно из двух мощных литературных традиций: византийской агиографии и арабской художественной прозы, — в том виде, в каком они сложились к IX–X векам, — причем маловероятной представляется возможность взаимовлияния арабо-мелькитской и мусульманской агиографических традиций, формирующихся параллельно.

5. Наблюдения над стилистикой арабо-мелькитских агиографических произведений позволяют расположить их в последовательности, отражающей рост мастерства их авторов в овладении художественным материалом вышеупомянутых традиций, и считать наиболее совершенным произведением рассматриваемого корпуса *Житие Христофора*, которое одновременно обладает и наиболее сложной жанровой природой.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов и выводов для подготовки лекционных курсов, учебных пособий и монографий по истории арабской средневековой, в частности арабо-христианской, литературы, а также при проведении спецсеминаров, посвященных анализу соответствующих литературных памятников. Наблюдения над особенностями стиля и жанра рассматриваемых в диссертации произведений могут быть применены при анализе других агиографических и неагиографических текстов.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на кафедре арабской филологии ИСАА МГУ. По отдельным темам, связанным с проблематикой исследования, сделан ряд докладов на научных конференциях: Ломоносовских чтениях МГУ (секция «Востоковедение», подсекция «Религия стран Азии и Африки: история и современность», 2009 г.), Ежегодной богословской конференции Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) (секция «История и литература христианского Востока», 2010, 2011, 2012 гг.) и Международной конференции арабо-христианских исследований (Мальтийский университет, г. Валетта, 2012 г.). Материалы диссертации использовались при чтении курса «Введение в восточно-христианскую филологию» и проведении спецсеминаров по арабскому языку на кафедре восточно-христианской филологии и восточных Церквей ПСТГУ.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Настоящая работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и двух приложений.

Во **введении** дается общая характеристика предмета и объекта исследования, определяются его хронологические рамки, степень изученности темы, обосновывается новизна и актуальность исследования, формулируются его цель и основные задачи, описывается теоретическая и методологическая база.

Глава 1 «Общая характеристика корпуса арабской мелькитской агиографии со времени ее зарождения до XI века» носит преимущественно источниковедческий характер. В первом параграфе «Агиографические сборники» дается обзор арабо-мелькитских рукописей IX–XI веков, в составе которых имеются агиографические произведения. Во втором параграфе «Переводные произведения» приводится общая характеристика переводческой деятельности мелькитов и сведения о тех немногих переводах, которые благодаря колофонам рукописей могут быть с уверенностью отнесены к рассматриваемому нами периоду. В третьем параграфе «Оригинальные сочинения» подробно разбирается текстология шести оригинальных произведений арабо-мелькитской агиографии, которые в последующих главах станут предметом литературного анализа. Глава завершается общими наблюдениями над динамикой развития агиографического творчества мелькитов в IX–XI веках и параграфом «Общая характеристика корпуса в перспективе исторической поэтики», в котором мы отмечаем принадлежность рассматриваемых нами текстов к гораздо более широкому массиву памятников — к литературе древности и средневековья, которая с точки зрения исторической поэтики характеризуется традиционалистским типом художественного сознания. Это позволяет нам задать основные критерии для оценки этих произведений как ориентированных на канон и имеющих своими основными категориями жанр и стиль.

Глава 2 «Жанровая специфика корпуса арабской мелькитской агиографии IX–XI веков» открывается общими замечаниями о понимании термина «жанр» применительно к древней и средневековой литературе вообще и агиографической в частности. Затем, в первом параграфе «Агиографические жанры: мученичество, житие, чудеса», мы рассматриваем вопрос о принадлежности оригинальных арабо-мелькитских агиографических произведений IX–XI веков к трем основным жанрам, сформировавшимся к этому времени в христианской агиографии. В результате проведенного исследования мы приходим к выводу, что наряду с примерами следования одному жанру (*Мученичество ‘Абд ал-Масиха, Мученичество Антония, Житие Иоанна Дамаскина*), можно наблюдать и попытки соединения жанров. Первая из них относится к *Житию Христофора*, которое сочетает композицию похвального жития и различные литературные приемы, характерные для жанра мученичества. Вероятно, это вызвано тем, что смерть героя не является очевидным мученичеством за веру, и агиограф пытается доказать ее религиозный смысл художественными средствами, причем проявляет в этом большое мастерство. Второй пример жанровой неоднородности связан с *Житием Тимофея*, которое представляет собой уникальную, насколько нам известно, попытку соединения жанров жития и чудес.

Второй параграф «Неагиографические жанры» состоит из двух разделов. В первом из них — «Жанр городской хроники» — рассматриваются черты исторического повествования, присущие *Житию Христофора*, на материале трех исторических сюжетов, соответствующих трем аспектам истории Антиохии 50-х — 60-х годов X века: церковно-административному (учреждение восточных католикосатов), внутривосточному (мятежи) и внешнеполитическому (отвоевание города византийцами). Сравнивая между собой эти исторические темы в изложении агиографа, мы заметили, что от первой к последней постепенно меняется характер *Жития Христофора* как исторического источника: незаменимость для создания

целостной картины и уточнения хронологии → предположительный первоисточник для части событий → сведение повествования до необходимого минимума с потерей общего масштаба события. На наш взгляд, эта градация объясняется не только пропорциональным расширением круга параллельных источников (разрозненные свидетельства из писем и документов → арабские хроники → арабские и византийские хроники), но и тем, что учреждение католикосатов было связано с восшествием Христофора на патриарший престол, а мусульманские мятежи происходили при его жизни и ключевым образом на нее повлияли, взятие же Антиохии совершилось уже после убийства патриарха и было важно лишь как событие, послужившее наказанию виновных в его смерти. Таким образом, очевидно, что несмотря на обилие сообщаемой автором исторической информации, агиограф все же преобладал в нем над историком.

Появление второго раздела «Жанр диспута» связано с тем, что один из текстов рассматриваемого нами корпуса — *Житие Иоанна Эдесского* — по своей форме и содержанию не принадлежит ни к одному из традиционных агиографических жанров. Оно представляет собой в основном описание придворного диспута с иудеем, а диспут является произведением, характерным в первую очередь для полемической литературы. Относя *Житие Иоанна Эдесского* к агиографическим сочинениям, мы руководствовались рукописной традицией, но этот прецедент побудил нас рассмотреть бытование сюжета придворного диспута с иудеем в агиографии вообще и определить его возможные, непolemические, функции. Из пяти рассмотренных нами в этой связи произведений, сохранившихся или некогда существовавших на арабском языке и охватывающих приблизительно тысячелетний период времени, лишь в одном сюжет диспута с иудеем оказался в полной мере выполняющим свою функцию (*Житие Иоанна Эдесского*). В остальных случаях он либо не получает содержательного раскрытия, оставаясь лишь элементом повествования (*Житие Феодора Эдесского*, *Сказание о патриархе Иоакиме*), либо служит фоном для полемики иной,

антимусульманской, направленности (*Мученичество Михаила*), а то и вовсе для изложения литургического учения (*Диспут Иоанна Милостивого*).

Подводя итог анализу жанровой специфики оригинальных произведений ранней арабо-мелькитской агиографии, мы можем сказать, что, несмотря на относительную малочисленность дошедших до нас памятников, они представляют широкую палитру жанров. Во-первых, имеются примеры трех основных агиографических жанров: мученичества, похвального жития и чудес. Во-вторых, жанры представлены не только в чистом виде, но и в комбинированном: в одном случае на жанр похвального жития «налагается» жанр мученичества (*Житие Христофора*), а в другом (и этот случай, насколько нам известно, не имеет precedентов в византийской традиции) — жанр чудес встраивается в произведение, в целом построенное по схеме похвального жития (*Житие Тимофея*). В-третьих, наблюдается проникновение в житийную литературу и жанров неагиографических: как частичное (жанр городской хроники в *Житии Христофора*), так и полное (жанр диспута в *Житии Иоанна Эдесского*).

Глава 3 «Стилистика корпуса арабской мелькитской агиографии IX–XI веков» состоит из шести параграфов (по числу анализируемых произведений), которые предваряются общими замечаниями о двух подходах к исследованию стилистики арабо-мелькитской агиографии: одном — основанном на сопоставлении с византийской традицией, другом — опирающемся на анализ художественных средств с учетом теории средневековой арабской поэтики. Попутно нами в отрицательном ключе решается вопрос о возможном взаимовлиянии арабо-мелькитской и мусульманской агиографических традиций.

В первом параграфе, посвященном *Мученичеству 'Абд ал-Масиха*, мы отмечаем такие присущие ему черты, как нарочитая нарративность, стилистическая «неагиографичность» повествования, динамичность перемещения в художественном пространстве, мотив «благочестивого расчленения мощей», характерный для византийской традиции, простота используемых тропов.

Рассматриваемое во втором параграфе Мученичество Антония отличается от близкого ему по типу и времени предыдущего памятника расширением «чудесной» части за счет видений и чудес, имеющих параллели в византийской агиографии, и превращением текста в одной из редакций в автобиографию святого, причем эта попытка адаптации формы автобиографии для агиографического произведения, насколько нам известно, осталась единичным явлением в средневековой литературе. С точки зрения «микро-стилистики» (фраз и выражений) *Мученичество Антония*, напротив, мало отличается от *Мученичества 'Абд ал-Масиха*.

Третий параграф посвящен Житию Иоанна Эдесского, которое, как уже отмечалось, написано в жанре диспута, не принадлежащем к агиографической литературе, поэтому о влиянии на это произведение византийского агиографического канона говорить невозможно. Что же касается выразительных средств, то их стилистика, как та, что опирается на внеязыковые образы, так и та, что опирается на средства арабского языка, становится ощутимее количественно, но качественно еще находится на достаточно низком уровне.

Переходя к памятникам, в основе которых лежит каноническая схема византийского похвального жития, мы начинаем их анализ в четвертом параграфе с Жития Иоанна Дамаскина. Его характерными чертами являются присутствие топосов, напрямую связанных с авторским литературным этикетом, и витиеватость стиля, достигающаяся за счет широкого, но не всегда уместного использования стилистических средств (главным образом, синонимии, гиперболы, метафоры).

Следующее произведение, рассмотрению которого отведен пятый параграф, — Житие Тимофея, — в том числе и благодаря его значительному объему, дает возможность почувствовать уверенное и умелое обращение агиографа с арабским словом. Автор проявляет большую вариативность приемов при построении сравнительных оборотов, синонимии, параномасии, рифмованной прозы, при

использовании библейского текста; имеются примеры сквозной метафоры и типологического синкрисиса¹⁹, стилистики причитаний.

Шестой, заключительный, параграф мы посвятили *Житию Христофора*, которое можно считать высшим образцом агиографического творчества мелькитов рассматриваемого периода. Указав на хорошее знакомство автора с византийской традицией, мы отметили его художественное мастерство в употреблении даже традиционных агиографических топосов (в частности, этимологии и типологического синкрисиса), разумную сдержанность и, иногда, изощренность в употреблении уже встречавшихся нам тропов, а также активное использование средств риторического построения речи, которого в столь яркой форме нет в других анализируемых произведениях (риторические вопросы и восклицания, введение гипотетического лица, обобщение, градация, амплификация).

В завершении главы мы рассматриваем случаи проникновения в арабомелькитскую агиографию мусульманской фразеологии, которое применительно к *Мученичеству 'Абд ал-Масиха* и *Житию Тимофея* нами только предполагалось, а в *Житии Иоанна Дамаскина* и особенно в *Житии Христофора* носит несомненный характер. Наконец, качественную разницу между *Житием Иоанна Дамаскина*, *Житием Тимофея* и *Житием Христофора*, которую мы видели на примере употребления различных тропов, мы демонстрируем на материале общего для всех трех похвальных житий мотива божественного промысла. Подводя итог, мы даем краткое определение стилистики произведений, обосновывая выбранную нами последовательность их рассмотрения, которая, по нашим наблюдениям, отражает рост мастерства агиографов в использовании

¹⁹ Так, по аналогии с синкрисисом Плутарха (см., например: *Аверинцев С. С.* Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973. С. 212–229), мы предлагаем называть сопоставление главного героя или связанных с ним событий со святыми или событиями священной истории Ветхого и Нового Завета, которому в классическом похвальном житии должна быть посвящена отдельная глава, одна из заключительных.

художественных средств, как общелитературных, так и связанных с выразительным потенциалом арабского языка.

В **заключении** сформулированы общие выводы работы и указаны перспективы дальнейшего исследования.

В результате проведенной работы мы можем выделить следующие характерные черты арабо-мелькитской агиографии IX–XI веков:

- непрерывное развитие агиографического творчества мелькитов на арабском языке в IX–XI веках;
- параллельное развитие этого творчества в двух направлениях: перевод иноязычных текстов и создание оригинальных памятников;
- активность агиографического творчества мелькитов в монастырях Сина и Палестины, а в X–XI веках также в антиохийском регионе;
- наличие устоявшихся переводческих стратегий в распространении агиографических произведений внутри общелитературного пространства христианского Востока (греческий → арабский → грузинский; арабский → греческий → грузинский), результатом которых стало значительное влияние арабо-мелькитской агиографии на более древнюю по происхождению грузинскую;
- жанровое разнообразие оригинальных произведений арабо-мелькитской агиографии IX–XI веков, касающееся, во-первых, использования агиографических жанров (следование одному из традиционных жанров, их комбинирование), а во-вторых — обращения к неагиографическим жанрам (соединение жития с городской хроникой, функционирование в качестве агиографического произведения текста, написанного в жанре диспута);
- стилистическое развитие оригинальной арабо-мелькитской агиографии с точки зрения следования предшествующей агиографической традиции и использования выразительных средств вообще и связанных с арабской языковой спецификой в частности.

Безусловно, мы имеем доступ только к части литературных памятников рассматриваемого периода, особенно учитывая то, что речь идет о периоде древнем для арабской рукописной традиции. Кроме того, поскольку интересующие нас рукописи рассеяны по разным собраниям как европейских, так и ближневосточных библиотек, мы при всем желании не смогли бы в полной мере охватить сохранившиеся в них тексты. Поэтому мы по объективным причинам могли получить лишь частичное представление о ранней арабо-мелькитской агиографии и на данном этапе изучения выбранной нами темы ограничились общим описанием литературного корпуса, подробно остановившись только на изданных оригинальных памятниках.

Проведенное исследование открывает широкие перспективы для дальнейшего изучения арабо-мелькитской агиографии и, шире, литературы, как одной из важных составляющих средневековой арабской словесности, а также для сравнительного изучения литературных традиций средневековья.

В качестве **приложений** к работе помещены переводы двух наиболее, на наш взгляд, показательных произведений: *Мученичества 'Абд ал-Масиха* и *Жития Христофора*, — которые представляют собой образцы соответственно самого раннего и самого совершенного стилей арабо-мелькитской агиографии рассматриваемого периода.

**Основные положения диссертации
отражены в следующих публикациях:**

1. «Житие Антиохийского патриарха Христофора» и византийская агиография // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. М., 2006. Вып. 3 (2). С. 169–180.
2. Житийная литература: Арабская // Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. 19. С. 296–298.
3. Ибрахим ибн Юханна // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. 20. С. 630–631.
4. Иоанн, свт., архиеп. Эдесский // Православная Энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 204–205.
5. Иоанн Дамаскин: Восточная агиографическая традиция // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 24. С. 58–60 (в соавторстве с О. Н. А[финогеновой]).
6. «Житие» Антиохийского патриарха Христофора (967) как памятник арабо-христианской словесности (тезисы) // Ломоносовские чтения. Востоковедение: науч. конф., апрель 2009 г.: тезисы докладов. М., 2009. С. 24–26.
7. Сюжет придворного диспута с иудеем в арабо-христианской агиографии // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. М., 2010. Вып. 4 (22). С. 32–43.
8. Первые памятники арабо-христианской житийной литературы и их связь с византийской агиографической традицией // Вестник ПСТГУ. III: Филология. М., 2011. Вып. 4 (26). С. 77–86.